

Коваленок Алексей Анатольевич

**СУЩЕЕ ПАРМЕНИДА КАК "ТОЖДЕСТВО БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ": ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
МОНИЗМ И ВСЕПРОНИКАЮЩЕЕ ЕДИНСТВО БЕЗ МНОЖЕСТВЕННОСТИ**

В статье рассматриваются некоторые аспекты парменидовской онтологии, носящие и в наши дни дискуссионный характер. Автор высказывает ряд своих размышлений по поводу так называемого "тождества бытия и мышления" у Парменида, его современных интерпретаций. Все эти моменты анализируются сквозь призму поисков оснований идеального бытия и идеального единства мира, которые начались уже в античности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/24.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 100-104. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

11. პროექტი: რეადმისიის შეთანხმების ეფექტური განხორციელების ხელის შეწყობა სომხეთში, აზერბაიჯანში და საქართველოში დაწყების თარიღი: 20 დეკემბერი, 2012 (proeqti: readmisiis šetankhmebis epekturi gankhortsieleb is khelis šetsqoba somkhetš i, azerbajžanš i da saqartvelo šidatsqebis tarighi: 20 dekemberi, 2012 / Проект: Содействие эффективному осуществлению соглашений о реадмиссии с Арменией, Азербайджаном и Грузией, 20 декабря 2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eu-nato.gov.ge/ge/eu/mobility-partnership> (дата обращения: 26.04.2014).
12. პროექტი: საქართველოსა და მოლდოვაში სასწავლო და ანალიტიკური შესაძლებლობების გაძლიერება მიგრაციის სფეროში (GovAc) (proeqti: saqartvelosa da moldovashi satsavlo da analitikuri šesadzleblobebis gadzliereba migratsiis speroši (GovAc) / Проект: Грузия и Молдова в изучении аналитического потенциала в сфере миграции (GovAc)) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eu-nato.gov.ge/ge/eu/mobility-partnership> (дата обращения: 26.04.2014).
13. საქართველო-ევროკავშირის თანამშრომლობა (saqartvelo-evrokavširis tanamšromloba / Грузия – ЕС: сотрудничество) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eu-nato.gov.ge/ge/eu/cooperation> (дата обращения: 29.04.2014).
14. საქართველო «აღმოსავლეთ პარტნიორობის» ვილნიუსის სამიტზე, 28-29 ნოემბერი, 2013 (saqartvelo «aghmosavlet partniorobis» vilniusis samitze, 28-29 noemberi, 2013 / Грузия на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе, 28-29 ноября 2013 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.ge/files/30_16979_497299_EaPVilniusSummit.pdf (дата обращения: 29.04.2014).
15. საქართველო-ევროკავშირის თანამშრომლობა მიგრაციისა და სავიზო საკითხებზე (saqartvelo-evrokavširis tanamšromloba migratsiisa da savizo sakitkhebze / Сотрудничество ЕС и Грузии по миграционным и визовым вопросам) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eu-nato.gov.ge/ge/eu/persons-movement> (дата обращения: 26.04.2014).
16. საქართველოს ეროვნული უსაფრთხოების კონცეფცია (saqartvelos erovnuli usaprthoebis kontseptsia / Концепция национальной безопасности Грузии) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=12 (дата обращения: 26.04.2014).

THE GEORGIAN-EUROPEAN RELATIONS: PROBLEMS AND TRENDS OF DEVELOPMENT

Kirchanov Maksim Valer'evich, Doctor in History
Voronezh State University
maksymkirchanoff@gmail.com

The author analyzes the main trends of the European policy of Georgia. The aim of the article is to study the trends and perspectives of the Georgian-European relations development. Political transformations in Europe in the context of the actual Ukrainian crisis caused by the collapse of the European integration strategy add topicality to the Georgian European policy analysis. The article provides a brief outline of the contemporary Georgian-European relations history. The author presumes that the Partnership and Cooperation Agreement (1996) became the foundation of the Georgian-European relations. Particular attention is paid to "The Eastern Partnership" and the Association between the EU and Georgia. The Association Agreement could be the beginning of a new stage in the contemporary Georgian-European relations history.

Key words and phrases: Georgia; the EU; the European integration; "The Eastern Partnership"; association.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье рассматриваются некоторые аспекты парменидовской онтологии, носящие и в наши дни дискуссионный характер. Автор высказывает ряд своих размышлений по поводу так называемого «тождества бытия и мышления» у Парменида, его современных интерпретаций. Все эти моменты анализируются сквозь призму поисков оснований идеального бытия и идеального единства мира, которые начались уже в античности.

Ключевые слова и фразы: идеальное единство мира; тождество бытия и мышления; бытие; небытие; онтология; единство и множество; идеализм.

Коваленок Алексей Анатольевич

Московский государственный университет экономики, статистики
и информатики (МЭСИ), Нижегородский филиал
Kov9alenok@yandex.ru

СУЩЕЕ ПАРМЕНИДА КАК «ТОЖДЕСТВО БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ»: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИЗМ И ВСЕПРОНИКАЮЩЕЕ ЕДИНСТВО БЕЗ МНОЖЕСТВЕННОСТИ[©]

В этой статье автор попытается поразмышлять о некоторых аспектах философских и онтологических интуиций мыслителя, чьи откровения известный французский философ, исследователь античной философии Ж. Бофре как-то назвал «утренней речью человечества» [3, с. 111]. Речь идет, конечно же, о «таинственном и грозном» (Платон) Пармениде. Почему именно к Пармениду обратился автор этих строк? Чем значим и

важен он сегодня – в XXI веке? На мой взгляд, непреходящее значение его философских интуиций, делающее его размышления актуальными и конгениальными нашей современности, состоит, прежде всего, в том, что он одним из первых обозначил проблему *единства мира*, выявления основы этого единства и попытался, как мог, решить ее. А меж тем эта проблема – проблема обоснования единства мира – неважно, на материальной или идеальной основе, далеко не решена еще и сегодня. Поэтому онто-философские штудии Парменида и сегодня важны и значимы для всех, кто эту проблему пытается осмыслить и продвинуться в решении ее. Эти исследователи и сегодня продолжают черпать творческие импульсы в наследии великого Элеата. Следует вообще отметить, что принцип тождества бытия и мышления, впервые обоснованный Парменидом, был не чем иным, как теоретическим отражением человеческой потребности в обретении единства телесно-чувственного и духовно-разумного миров, до которого возвысилось философское мышление. Здесь надо помнить, что древний грек мог наблюдать столкновение сил порядка и хаоса не только в большом природном мире, но и в малом мире своей общины. Поэтому проблема, как достичь ментального единства при многообразии чувственных, эгоистических проявлений, имела для древних греков не только метафизико-теоретический, но и социально-практический смысл. И, как это ни покажется парадоксальным, современное общество находится во многом в сходном положении с тем, в каком пребывало античное общество того времени. Вновь, как и 2,5 тысячи лет тому назад, современные наука и философия стоят перед выбором альтернативных моделей в понимании единства Вселенной. Например, с точки зрения теоретической физики, мир един, потому что на самом элементарном уровне представляет собой не что иное, как элементарные и субмикрорелементарные частицы, находящиеся в фундаментальных взаимодействиях. Современная наука продвигается в изучении микромира, приводя новые доказательства единства поля и вещества, корпускулярных и волновых материальных объектов, по сути, возвращаясь (конечно, на более высоком уровне), к представлению о материальной первооснове Космоса. В отличие от этой, субстратно-вещественной модели, функциональная модель находит единство мира в том, что он развивается как сложенная система по общим законам, вполне возможно, сводимым к самому общему закону (= Антропный принцип в его слабой и сильной версиях, единая Суперсила, Супервзаимодействие, Сверхвеликое объединение и т.д.), в котором можно усмотреть современный аналог греческого Логоса, Нуса, Единого. Оценивая наследие великого Элейца, тот же Бофре указывает, что «фрагменты поэмы Парменида, которые мы имеем сегодня, представляют собой – как Парфенон рядом с греческими храмами – самые впечатляющие и лучше всего остального сохранившиеся руины мира до Сократа» [Там же, с. 58]. Именно начиная с Парменида, впервые в столь концентрированной и напряженной форме центрировавшего внимание на идее сущего, бытия, стало все более очевидно, что философия – это поиски бытия, если угодно, погоня за ускользающим бытием. Ведь философия, по своей сути, это *изучение сущего таким, каково оно есть, иначе говоря, в его бытии*. Этим, начиная с Парменида, и занимались греческие мыслители, которые разрабатывали различные онтологические платформы, спорили друг с другом, и это, можно так сказать, была битва гигантов из-за бытия, из-за понимания бытия. Парменид, и в этом его величие, сумел поставить один единственный фундаментальный, великий, гениальный и неотложный вопрос – вопрос о БЫТИИ. Все же остальные вопросы были лишь экспликацией, развертыванием этого вопроса о БЫТИИ. Как совершенно верно констатировали авторы одного не столь давно вышедшего фундаментального издания по истории философии, «от вопросов, поставленных Парменидом, тянутся нити ко всем последующим философским размышлениям о бытии, постепенно разрастающимся в особый раздел философского знания, который в философии существовал издревле, но только в Новое время получил название «онтологии»» [7, с. 64]. Ну, здесь, конечно, можно вспомнить, что еще до Парменида о бытии писал Ксенофан, но в том все и дело, что, как верно заметил А. Мень, «то, что было для Ксенофана предметом живой интуитивной убежденности, Парменид превратил в спекулятивную проблему, требующую обоснования. Поэтому некоторые считают его первым греческим философом в строгом смысле слова» [9, с. 102]. Да, действительно, представляется, что подлинная настоящая философская онтология началась именно с Парменида. Причем, не следует обманываться поэтической формой изложения у Парменида. Она – в некотором роде лишь дань эпохе. Автор ее, – прежде всего, метафизик, а не поэт. Его стихи – это абстракция пополам со сложными аллегориями. Это – особая философская поэзия. Но в то же время следует понимать, что эта самая дань эпохе тоже не была совсем уж случайной. Это была своего рода попытка избежать прозаичности, настроить читателя на возвышенный лад, которого требовало восприятие идеи бытия. Эта поэтическая форма служила, в первую очередь, философским целям. Можно вполне согласиться с Н. В. Мотрошиловой, полагающей, что эта поэтическая форма хоть и не была главной, но она отнюдь не была «для элейской мысли чисто внешним, несущественным элементом. На той стадии развития древней философии, когда она, как у элейцев, еще парила в высотах космологическо-философской фантазии, поэтическая форма была уместной и органичной... Философствование о беспредельном, прекрасном космосе, о человеке, его уме, сердце, о прошлом и будущем, о высоком, добром в деяниях человека и человеческого склонало великих мыслителей к поэтической форме...» [10, с. 176]. И Парменид был как раз из их числа.

Далее, рассуждая об онтологической платформе Парменида, его онтологических исканиях, следует согласиться с М. Элиаде, что «в VI веке до новой эры (как раз время жизни нашего философа – А. К.) религиозную и философскую мысль (Греции – А. К.) занимало осмысление единства и множества» [12, с. 210]. Эти категории – одни из фундаментальнейших в античной философской мысли. Можно вполне определенно утверждать, что это – одна из тех глубинных бинарных оппозиций (так же как и периферия/центр; истина/ложь и т.д.), которые формировались тысячелетиями в архетипах человеческого сознания, мировосприятия и интеллекта. Но именно философы, и среди них Парменид, отчетливо выявили эти оппозиции, извлекли

из темных глубин подсознания, сделали объектом пристального и проницательного, глубокого философского осмысления и рассмотрения. И как бы ни пытались нападать на них, допустим, современные постмодернисты, находя их реликтами тоталитарного, несвободного зашоренного мышления, но представляется, что, тем не менее, эти бинарные оппозиции составляют очень важный полюс человеческого мировосприятия, и полностью элиминировать их из сознания и мировосприятия человека вряд ли когда удастся. Именно из осмысления соотношения *единого и многого*, из попыток схватывания «всего» через «одно», из укладывания всего эмпирически-чувственного многообразия мира в единую мысль нашего разума и начинается свой путь собственно философия.

И здесь, как представляется автору данных строк, в этой битве гигантов за бытие обозначились в весьма концентрированной форме основополагающие онтологические позиции. Парменид персонифицирует, олицетворяет собой одну из таких позиций, суть которой может быть выражена следующим образом: бытие есть Абсолютное, нерасчлененное, тотальное Единство без множества, абсолютное тождество бытия и мышления.

Концепция бытия = онтология Парменида представляет собой целостное воззрение, в котором достаточно явственно присутствуют идеалистические интенции. Гегель, с позиций своей собственной идеалистической системы, имел все основания заявить о ней: «Так как в этом нужно видеть восхождение в царство идеального, то мы должны признать, что с Парменидом началась философия в собственном смысле этого слова. Один человек здесь освобождает себя от всех представлений и мнений, отказывает им в какой бы то ни было доле истинности и говорит: лишь необходимость, бытие представляет собою истинное» [4, с. 265]. Но то, что в конце пути выглядит его началом, при возвращении к исходному моменту, не обязательно предстает путешествием в заданном направлении. И при анализе онтологии Парменида нужно подходить с разумной долей критики к изложению его метафизики более поздними комментаторами, которые нередко стремились найти в его учении то, что более всего отвечало их собственным взглядам, и при этом ускользало понимание того, а насколько эти их интерпретации парменидовского Бытия аутентичны взглядам самого Элейца?

Так, нуждается в прояснении знаменитый тезис Парменида: «Ибо мыслить – то же, что быть...». Не случайно В. В. Биbihин, анализируя значение древнегреческих слов из приведенного только что третьего фрагмента поэмы Парменида, считает его настолько кратким и туманным, что не верит в его адекватное прочтение и понимание в позитивном смысле, если только не считать таковым запрещение не думать [2, с. 381-382]. Тождество «мысли о предмете и предмета мысли», которое находят у Парменида авторы учебников для вузов, на мой взгляд, нуждается в уточнении, тем более что у современных российских исследователей, пишущих на эту тему, оно имеет специфичное значение. Так, нельзя не заметить разных оттенков смысла по данному вопросу в трудах А. В. Ахутина, А. Л. Доброхотова и С. П. Лебедева.

Первый из них во взглядах на «тождество мысли и бытия» у Парменида во многом близок к приведенной выше точке зрения В. В. Биbihина, отдавая должное проделанной им работе по точному переводу слов из поэмы античного философа. «Мышление Парменидова —*μα*», – пишет А. В. Ахутин, это не гадание и выдумывание, а внимание, следующее путями Муз, вдумывание, выводящее на белый свет все сущее (но и, не будем забывать, способное блуждать по воле стихий), выявляющее *само* сущее, «еутствие» бытия. Благодаря этому вниманию, во внимании ума, в уме мир наполняется своим бытием» [1, с. 599]. По мнению данного исследователя, речь должна идти не о тождестве мысли и бытия, но об их «взаимности», позволяющей им обосновывать себя при помощи друг друга.

По мнению А. Л. Доброхотова, соединение понятий «мысль», «истина» и «бытие» отвечало эвристической традиции античной философии. «Уже сами поиски достоверного знания, – полагает он, – т.е. знание, которое совпадало бы с тем, что есть на самом деле, были симптомом предстоящего отождествления бытия и мысли. Реализация достоверного знания обязательно предполагала онтологические выводы...» [6, с. 200]. Заслуга Парменида в этом отношении видится ему, прежде всего, в открытии «магической идеи», соединившей все три указанных выше понятия, когда заявил о том, что есть лишь бытие, а небытия вовсе нет. Понимание мысли не в качестве игры ума, но как отражения бытия и его наполненности, позволяла не только убедиться в достоверности бытия, но и в достоверности разума.

Согласно же С. П. Лебедеву, данный фрагмент поэмы свидетельствует, что Парменид пытался найти правильное отношение между мыслью и речью, которое позволило бы отбросить «пустые понятия» и добиться соответствия мыслей значениям слов, что было им показано на примере глаголов «есть» и «не есть», помогло ему решить эту проблему. Исходя из этого, данный исследователь делает вывод о том, что «тождество мышления и бытия, проводимое Парменидом, не выходит за пределы речи, здесь бытие не объективно умопостигаемое, а, если угодно, *речевое*», внутри-мысленное. У Парменида не столько бытию платоновского типа тождественна мысль, сколько себе самой, и этим она делается отличной от мнения и чувственного восприятия» [8, с. 143-144]. Тезис «то же самое – мысль и то, о чем мысль возникает» связывает онтологию и диалектику Парменида и Зенона, которая вскрывает противоречия в посылах и немыслимость выводов их оппонентов.

Все эти смысловые нюансы, делающие равно допустимыми самые различные трактовки принципа сходства бытия и мышления у Парменида – от логического единства до онтологического тождества, – весьма затрудняют адекватное прочтение понятия «бытие» в метафизике виднейшего элейца. Оно несет в себе скрытые противоречия, причем они существуют не только между *δόξα* – мнением и *ἀλήθεια* – истиной, на чем настаивал Парменид, но и между разными аспектами разумного подхода, чего он, по-видимому, не предполагал. Для того чтобы удостовериться в этом, необходимо тщательно рассмотреть вопрос, что представляет собой бытие в учении Парменида.

Значительным достижением Парменида и его величайшей заслугой перед философией стала разработка им понятия бытия, которое прежние поколения античных мыслителей принимали как некую данность, которая не требует осмысления и не нуждается в обосновании. Элейский философ сделал этот прорыв, перейдя от рассмотрения конкретно существующего к абстрактно сущему, от исследования тел и стихий к постижению принципа единства мира. Парменид был первым (если не считать Ксенофана, отчасти), кто возвысился до философской картины мира, не удовлетворившись его физической картиной. Он совершил это восхождение, постулировав, что есть лишь бытие, а небытия вовсе нет, и соединив бытие и мышление в познавательном акте.

Однако, устранив препятствия с пути, которые создает множество частных существований, Парменид пришел к идее сущего как всеобщего бытия, о котором достоверно известно только то, что оно *одно*. Еще раз суммируем здесь ход мысли великого Элейца: Бытие существует и перестать существовать оно не может. Сама наличность пустоты показывает, что она ЕСТЬ и тоже входит в состав бытия. Ни о каких лакунах, провалах в СУЩЕМ говорить невозможно: оно едино, сплошно и абсолютно целостно. Вырисовывается идея непрерывного Целого. Оно есть Реальность, которая никак не может быть производной или преходящей. Иными словами, поскольку Абсолютное есть ВСЕ, то оно в действительности существует лишь ОДНО. Конечно, бытие наделено у него рядом свойств, которые были приведены выше, но всеми этими свойствами, в его представлении, оно обладает только для того, чтобы исключить всякие сомнения в наличии небытия. Как пишет в этой связи А. В. Ахутин, «единство бытия множества существ (существующих единым существованием) не затрагивается их множественностью, не разделяется их различием... Различие гаснет в единстве общего бытия. *Общее* бытия мыслится как *единица* (пифагорейская)» [1, с. 600]. Да, именно так! Парменидово Бытие = Единое есть тотальное, нерасчлененное в себе, сплошное единство. Кроме этого всепоглощающего, все растворяющего в себе и всеобъемлющего бытия ничего нет. А. В. Семушкин в связи с обсуждаемым вопросом, оценивая переворот, произведенный Парменидом, находит, что он постулирует «отвлеченный символ единого, неделимого, вечного и неподвижного *Бытия*, независимо от чувственно-воспринимаемых вещей с их рождением, изменчивым существованием и смертью. Это надматериальное Бытие... есть всегда себе равное мышление и истина, представляемая в образе покоящегося, совершенного и самодостаточного в своей предельной осуществленности вселенского шара. В такой умоглядной фантазии, безусловно, есть своя заслуга: в лице элеатов рационализм греков возвышается над предметной непосредственностью обыденного представления, философская мысль пробует оперировать — истыми», свободными от чувственных ассоциаций понятиями; но вместе с тем он утрачивает доверие к самоочевидности эмпирического опыта, к реальности внешнего мира и открывает путь метафизике как учению о запредельных и недоступных для чувственного познания сущностях...» (подчеркнуто автором — А. К.) [11, т. 1, с. 390-391]. И положение дел несколько не меняет то, — если вернуться теперь к мысли А. В. Ахутина, — что у самого элеата единое бытие предстает не как начальное число, а как логический принцип. «По Пармениду, — пишет А. Л. Доброхотов, — бытие есть мысль о бытии и наоборот — мысль о бытии есть бытие. Это важнейший вывод, так как он устанавливает необходимость (т.е. логическую принудительность) мысли о бытии (и только такой мысли) иметь соответствующий объект в реальности» [6, с. 202]. Так, в метафизике Парменида возникает прообраз Единого, который получит дальнейшее развитие в онтологии Платона и впоследствии Плотина.

Итак, Бытие Парменида есть абсолютное и тотальное единство, исключаящее всякую множественность, лишенное дискретности и скованное неподвижностью. Множественность, признание ее — это путь мнения, путь невежд, простых смертных, не умеющих видеть истину, бредущих в ночи невежества, которое и не позволяет их сердцам вступить в контакт с непогрешимой Истиной, чтобы после этого контакта понять: есть лишь одно Первотело = Бытие = Единое, а чувственно воспринимаемые, дискретные, единичные вещи — это лишь его количественные метаморфозы. Парменид, одержимый тканью чистого бытия, в моменты предельного напряжения своего прямого онтологического опыта, понял это! И здесь неизбежно возникает вопрос: как аттестовать всю парменидовскую систему? Думается, что однозначного и безапелляционного ответа дать на него невозможно. Представляется, что философ сочетал в себе и идеалистические, и материалистические интенции, причем о соотношении оных спорят до сих пор. С одной стороны, бытие Парменида божественно, постижимо лишь мыслью, контактом открытого сердца с непогрешимой истиной, а с другой стороны, читая некоторые строки величественной и грандиозной поэмы, нельзя отделаться от мысли, что речь идет как будто об огромном и вполне материальном теле. Итак, хотя система Парменида содержала в себе как натуралистические, так и супранатуралистические интенции, но автору этих строк все же представляется, что она оказала наибольшее воздействие, прежде всего, на становление идеалистических концепций бытия. В ней мы впервые в европейской философии находим слияние субъекта и объекта, что повлияло на идею Единого Платона. Исходя из Парменидовой идеи единого бытия и в полемике с ним, появились на свет и учение об эйдосах Платона, и учение о сущностях Аристотеля. Образ чистого бытия как света, изливающегося во тьму, через Платона позаимствовал у Парменида Плотин. «Восхитительная и грозная», по словам Платона, философия Парменида произвела сильнейшее впечатление и на Г. Гегеля, и на М. Хайдеггера.

Остается теперь лишь кратко обобщить, в чем состоит значение Парменида для развития онтологии и постижения принципа идеального единства мира.

Во-первых, Парменид первым придал философский смысл понятию бытия, а значит, стоял у истоков онтологии как философской дисциплины. После него проблема бытия прочно заняла свое место в исканиях

мыслителей разных школ. Парменид своим учением о бытии подвинул последующих философов к обсуждению и решению таких проблем, как соотношение чувственного и рационального в познании, противоречивый характер движения, соотношение единого и многого и других.

Во-вторых, лишив бытие чувственных качеств и связав его с мыслью, Парменид ввел в философскую интуицию понимание бытия как мышления. Это вовсе не означает, что у Парменида бытие равно мысли. Нет, оно у него вполне телесно, чувственно, материально, но при этом соответствует истинному мышлению. При этом термин «тождество», хотя он и часто применяется для характеристики отношений между мышлением и бытием у Парменида, на мой взгляд, является неудачным потому, что побуждает интерпретировать этот тезис в духе немецкой классической философии, что, безусловно, неверно. Соответствие бытия и мышления означает, что отныне не показания наших чувств, а доводы нашего разума становятся критерием истины.

В-третьих, субъективная мысль человека находит свой источник в мировом Логосе, космическом Разуме, верховном Боге, который равен целой Вселенной и является гарантом ее порядка, единства и целостности. Этот Логос, Разум, Бог проявляется лишь посредством истинного мышления и обнаруживается только в нем. И пусть Пармениду не удалось объяснить, как данное духовное начало, совпадающее с телесным миром, обеспечивает его единство, помимо актов истинного мышления, своим учением о едином бытии он совершил прорыв к идеалистическим учениям будущего. Концепция чистого бытия, свободного от всякого чувствования и доступного только правильному мышлению, заложила основу для спекулятивных поисков идеальной метафизической реальности, которая отлична от всех иных реальностей, в существовании которых нас убеждает чувственный опыт.

Да, именно к таким интеллектуальным светочам, как Парменид, восходят истоки всего того, что еще живет и сегодня, и что всегда жило в основе наших мыслей. Знакомство с поэмой великого старца, пусть даже фрагментами ее, порождает то особое настроение, которое, на мой взгляд, потрясающе передают слова М. К. Мамардашвили: «Бытие – это то же самое, что незаконная радость. Нет никаких причин к тому, чтобы мы были, и тем радостнее быть, и тем больше продуктивной гордости можно от этого испытать» [Цит. по: 5, с. 62]. «Утренняя речь человечества» продолжает звать к нам и сегодня.

Список литературы

1. Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 783 с.
2. Биbihин В. В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.
3. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4-х кн. СПб.: Владимир Даль, 2007. Кн. 1. Греческая философия. 253 с.
4. Гегель Г. Лекции по истории философии: в 3-х кн. СПб.: Наука, 1993. Кн. 1. 350 с.
5. Губин В. Д. Философия: актуальные проблемы. М.: Омега-Л, 2006. 376 с.
6. Доброхотов А. Л. Избранное. М.: Территория будущего, 2008. 472 с.
7. История философии: Запад – Россия – Восток: в 3-х кн. М.: Академический Проект, 2012. Кн. 1. Философия древности и Средневековья / под ред. Н. В. Мотрошиловой. 435 с.
8. Лебедев С. П. Идеализм. История и логика генезиса. СПб.: Изд. СПбГУ; Изд. РХГУ, 2008. 829 с.
9. Мень А. Дионис. Логос. Судьба. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 396 с.
10. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты. М.: Канон+, Реабилитация, 2010. 488 с.
11. Семушкин А. В. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Изд. РУДН, 2009. Т. 1. 638 с.; Т. 2. 629 с.
12. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Академический Проект, 2008. 676 с.

BEING OF PARMENIDES AS “IDENTITY OF BEING AND THINKING”: ONTOLOGICAL MONISM AND ALL-PERVADING UNITY WITHOUT MULTIPLICITY

Kovalenok Aleksei Anatol'evich

*Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (MESI) (Branch) in Nizhny Novgorod
Kov9alenok@yandex.ru*

The article considers some aspects of the ontology of Parmenides remaining debatable up to our days. The author presents a number of his thoughts about the so-called “identity of being and thinking” of Parmenides, its modern interpretations. All these factors are analyzed in the light of searches for the grounds of ideal being and ideal unity of the world, which began in antiquity.

Key words and phrases: perfect unity of the world; identity of being and thinking; being; not-being; ontology; unity and multiplicity; idealism.